

К тому моменту Хуа Жун уже ушёл. Чу Вэй чувствовал себя раздавленным; любая попытка сосредоточиться отзывалась острой головной болью, поэтому он решил пока ни о чём не думать. Юноша смутно догадывался, что здесь кроется какой-то подвох, но наставник никогда бы не причинил ему вреда.

«Сначала разберусь с делом, а расспросить его можно и позже», — рассудил он.

Ночь выдалась тяжёлой. Последствия Поиска Души давали о себе знать: хотя новые галлюцинации больше не беспокоили, обрывки чужих воспоминаний хаотично кружились в голове, лишая покоя и сна.

Он медитировал до самого рассвета, однако желанной лёгкости это не принесло — напротив, тело налилось свинцовой слабостью, а в мыслях царил полнейший сумбур. И всё же он помнил, что неоконченные дела не ждут. Кое-как заставив себя подняться с постели, Чу Вэй наспех умылся, сел за стол и, взяв кисть, принялся рисовать.

Цзи Хан наотрез отказался выдавать местонахождение своих жертв, но во время Поиска Души Чу Вэй успел выхватить из его разума разрозненные образы. Помещения, где маньяк держал похищенных, были погружены в кромешную тьму и лишены каких-либо примет — подобным образом можно обустроить любой подвал. Единственной зацепкой оставалось то, что находилось снаружи.

В памяти Цзи Хана то и дело всплывала одна и та же дорога. На ней не было указателей, однако по обеим сторонам высились весьма приметные здания нетипичной архитектуры. Сам Чу Вэй плохо знал Столицу и не мог опознать эти строения. Единственным выходом было с точностью перенести осколки чужих воспоминаний на бумагу, чтобы потом попытаться вычислить логово похитителя.

Он провёл за столом несколько часов, скрупулёзно зарисовывая каждую деталь: фасады домов, очертания деревьев и кустарников, даже форму придорожных каменных скамей. Лишь когда в дверь постучали, Чу Вэй очнулся и с удивлением осознал, что просидел за работой всё утро, так и не успев позавтракать.

Вошедший в комнату Хуа Жун принёс с собой уличную прохладу — судя по всему, он только что вернулся.

— Что ты рисуешь?

Чу Вэй отложил кисть и осторожно подул на влажную тушь.

— Я зарисовал всё, что успел разглядеть во время Поиска Души. Эти здания повторялись в его памяти чаще всего — очевидно, он бывал там регулярно. Я не знаю этих мест, но если мы пойдём по этому следу, то наверняка выйдем на похищенных девушек. Даже если не определим точный адрес сразу, я почувствую их, как только мы окажемся рядом.

Хуа Жун бережно взял листы. Юноша рисовал старой, привычной кистью — той самой, которой обычно выводил талисманы. Волоски на её кончике давно истрепались, а деревянная рукоять от времени стала совсем гладкой, но это ничуть не мешало мастеру. наброски вышли удивительно живыми: выполненные одной лишь чёрной тушью, они за счёт искусной игры со светотенью казались объёмными. Профессиональный мазок выдавал незаурядное мастерство.

Впрочем, Хуа Жуна превосходная техника не удивила — он воспринял её как должное. Его внимание привлекли сами рисунки. Одного взгляда хватило, чтобы понять, где находится это место.

Заметив перемену в лице наставника, Чу Вэй оживился:

— Ты знаешь, где это?

Хуа Жун молча кивнул и, достав телефон, сфотографировал наброски.

Лицо Чу Вэя озарилось радостью:

— Отлично! Тогда нужно скорее отправляться туда. Нельзя терять ни минуты, пока похищенные в опасности.

Хуа Жун пристально посмотрел на юношу. Ещё вчера из-за неосторожного применения запретной техники тот не выдержал чужих эмоций при Поиске Души и лишился чувств. Прошла всего ночь, последствия духовного истощения не утихли, а упрямец уже рвался в бой. Юность не щадит сил, растрачивая их без остатка.

Опустив взор, Хуа Жун ровным тоном произнёс:

— Оставайся дома и отдыхай. Я сам со всем разберусь.

Чу Вэй недовольно нахмурился:

— Нет! Поиск Души проводил я, и только я смогу точно сориентироваться на месте. К тому же я обещал довести это дело до конца.

Голос Хуа Жуна стал тяжелее:

— Значит, подождём пару дней. Поспешность сейчас ни к чему.

Чу Вэй упрямо мотнул головой:

— Сегодня уже четвёртый день нового года. Восьмого числа начинаются занятия, мне нужно возвращаться на учёбу.

Хуа Жун замер. Он только сейчас осознал, что каникулы мальчишки подходят к концу. Кажется, они провели вместе совсем немного времени, но учёба уже звала назад.

Чу Вэй перестал собирать письменные принадлежности, его брови сошлись на переносице.

— Кстати, в памяти Цзи Хана я наткнулся на ещё одно место. Очень странное и пугающее. Огромный резервуар, до краёв наполненный кровью. И прямо посреди этого кровавого пруда рос белый цветок — я никогда не видел ничего подобного и не могу сказать, что это за вид. Но ещё более жутко то, что там была мрачная, тёмная клетка, в которой томились люди. Мужчины, женщины, старики... даже дети. И сам Цзи Хан когда-то тоже сидел за этой решёткой. Воспоминания были обрывочными, они постоянно сменяли друг друга, так что я и сам не уверен, не почудилось ли мне всё это от усталости.

Чу Вэй говорил, опустив голову, и не заметил, как помрачнел Хуа Жун. Тот мягко коснулся волос юноши и ласково произнёс:

— Это больше не твоя забота. Цзи Хан под стражей, полиция займётся расследованием. Как только закончим с похищенными, возвращайся к занятиям и думай только об экзаменах.

Хуа Жун уже уладил все последствия вчерашнего инцидента в доме Сян Цин и планировал дать юноше передышку на несколько дней. Но раз уж тот уезжал так скоро...

Он взял Чу Вэя за руку и повёл к выходу из комнаты.

— Дворецкий сказал, что ты со вчерашнего вечера маковой росинки во рту не держал. Уже полдень, неужели не проголодался?

Стоило Хуа Жуну упомянуть еду, как в животе у Чу Вэя призывно заурчало.

— Ладно, сначала поедим, а потом займёмся делом.

После обеда Хуа Жун проявил непреклонность и заставил Чу Вэя прилечь поспать хотя бы пару часов. Всё это время наставник сидел у окна, охраняя покой своего ученика. Удивительно, но в этот раз обошлось без кошмаров и видений — сон был глубоким и спокойным. Проснувшись, Чу Вэй почувствовал себя полностью восстановившимся, от ночной усталости не осталось и следа. Лишь тогда Хуа Жун завёл машину, и они отправились в путь.

По дороге они заехали за Сян Цин, которая до сих пор не могла прийти в себя после пережитого ужаса и временно ютилась у подруги. Сидя на заднем сиденье, молодая женщина то и дело содрогалась при мысли о вчерашнем дне. Глядя на мирно устроившегося впереди Чу Вэй, она почувствовала укол совести. Подавшись вперёд, она участливо спросила:

— Малыш, как ты себя чувствуешь? Ничего не болит? Может, стоит показаться врачу?

Чу Вэй повернулся к ней и серьёзно ответил:

— Всё в порядке, спасибо. Я хорошо выспался, и силы вернулись.

Сян Цин только покачала головой:

— Поверить не могу, что такой юный парень обладает подобной силой! Вчера, глядя на сверкающие в окнах моей квартиры молнии, я решила, что окончательно сошла с ума. За такую работу никаких денег не жалко. Кажется, я тебе не доплатила... Давай я переведу тебе ещё премию?

Чу Вэй покачал головой:

— Что вы, не нужно. У вас и так огромные убытки — вся квартира разгромлена.

— Пустяки, дело наживное, — отмахнулась Сян Цин. — Главное, что сама жива осталась. Только вот до сих пор в голове не укладывается: почему именно я?

Людей на свете миллионы, но Цзи Хан выбрал именно её, да ещё и наложил это кошмарное Проклятие влюблённых. Каковы его мотивы? Ради чего всё это делалось?

— Его поймали, — попытался успокоить её Чу Вэй. — Полиция во всём разберётся, это лишь вопрос времени.

Сян Цин промолчала. Разумеется, она доверяла закону, но пока следствие не завершено, на душе у неё всё равно скребли кошки.

Дорога заняла чуть больше часа. Автомобиль затормозил у подножия величественного сооружения. Едва взглянув на него, Чу Вэй уверенно произнёс:

— Это оно.

Древняя пагода, известная как Небесная башня, считалась одной из главных достопримечательностей Столицы. Её история насчитывала более трёх веков. По легенде, её

возвели для проведения священных ритуалов и молитв о небесном благословении.

Сейчас пагода превратилась в популярный туристический объект. Её не раз реставрировали, а сам вход преграждали тяжёлые чугунные цепи — заходить внутрь туристам строго запрещалось. Обойдя строение по кругу, троица наконец обнаружила ту самую тропу из воспоминаний маньяка. Она вела в глубь прилегающего парка, петляя среди густых зарослей деревьев. Вдоль обочины тянулись каменные скамьи для отдыхающих.

Едва Чу Вэй ступил на заросшую дорожку, как перед его мысленным взором закружился вихрь чужих воспоминаний. Голова отозвалась резкой болью, перед глазами поплыли серые фантомы, и он невольно пошатнулся. В ту же секунду Хуа Жун крепко сжал его ладонь. Тёплые потоки чистейшей духовной энергии хлынули сквозь пальцы, мгновенно утихомирив бурю в разуме юноши.

Чу Вэй сделал глубокий вдох и твёрдо произнёс:

— Да, мы на месте. Я чувствую остаточный след эмоций Цзи Хана. Всякий раз, приходя сюда, он испытывал невероятное возбуждение вперемешку с диким страхом... Поистине извращённое удовольствие, словами не передать.

Сян Цин растерянно огляделась по сторонам:

— Но тут же никто не живёт. Да и неужели такое людное место выбрали для преступлений? Здесь ведь толпы ходят, как никого не поймали?

Этот уголок парка действительно казался заброшенным, прохожих поблизости не наблюдалось. Чу Вэй расстегнул рюкзак и достал деревянный компас — лопань. Этот инструмент он смастерил сам: прибор не отличался сложным функционалом, зато безошибочно реагировал на концентрацию тёмной энергии и присутствие злых духов. Стрелка компаса бешено завертелась вокруг своей оси и после нескольких резких колебаний замерла, указав строго на северо-восток. Глядя на то, как ловко юноша обращается с этим архаичным приспособлением, Сян Цин почувствовала себя героиней какого-то фэнтезийного романа. Рациональный научный мир, в котором она привыкла жить, трещал по всем швам.

— Пойдём туда, — уверенно скомандовал юноша и двинулся в указанном направлении.

Сян Цин, поддавшись безотчётному страху перед набежавшими тучами, предвещавшими скорый дождь, поспешила за ним. Хуа Жун замыкал их маленькое шествие, бесшумно ступая следом.

Они шли около десяти минут, пока заброшенная тропа не вывела их к пустырю на окраине парковой зоны. Впереди показались полуразрушенные приземистые постройки. Стоило им приблизиться, как на них обрушилась волна удушающей злобы. Даже Сян Цин, лишённая духовного зрения, ощутила, как вокруг резко упала температура. Она зябко поёжилась,

обхватив себя руками:

— Почему вдруг так похолодало? Прямо мороз по коже...

Не дождавшись ответа, молодая женщина обернулась и застыла, заметив суровые, напряжённые лица своих спутников. Окутанная могильным туманом земля казалась чернее грозового неба над их головами. Потоки тёмной энергии клубились над бесплодной почвой; сотни невидимых обычному глазу призраков метались в агонии, силясь вырваться из невидимого плена. Лопань в руках Чу Вэй мелко вибрировал, словно предупреждая о страшной тайне, сокрытой под ногами.

— Даже если этого ублюдка казнить тысячу раз, он не искупит своей вины, — глухо произнёс Чу Вэй, сжав кулаки.

Его лицо потемнело от гнева. Сложно было поверить, что всего в нескольких сотнях метров отсюда кипит жизнь и гуляют туристы, в то время как здесь, на заброшенном пустыре, гнили заживо десятки безвинных душ.

Хуа Жун повернулся к Сян Цин и коротко бросил:

— Вызывай полицию.

Женщина не понимала, что именно они разглядели в этой пустоте, но спорить не стала и послушно набрала экстренный номер.

Чу Вэй убрал компас и принялся обходить пустырь по периметру, то и дело наклоняясь и ощупывая землю. Сделав несколько шагов, он с усилием потянул за что-то и извлёк на свет длинный, тяжёлый штырь. Это был массивный, сужающийся к концу гвоздь для подавления трупов из темного, тускло мерцающего металла длиной не менее тридцати сантиметров, густо покрытый сложной вязью защитных рун. Чу Вэй аккуратно положил его и двинулся дальше. Обойдя весь пустырь, он одну за другой выкопал восемь точно таких же находок.

Сян Цин мало смыслила в мистике, но от этих предметов веяло такой могильной стужей, что она невольно попятилась. От её былой столичной спеси и уверенности не осталось и следа. Едва последний стальной штырь покинул землю, как пространство вокруг заметно потемнело, словно наступили сумерки. Поднялся резкий, ледяной ветер, пронизывающий до самых костей. Сян Цин испуганно прижалась к плечу юноши:

— Что это за ужасные железки?

Чу Вэй угрюмо разглядывал разложенные на траве артефакты.

— Это гвозди для подавления трупов, — тихо ответил он. — Мои худшие опасения

подтвердились. Призраки не могли вырваться наружу и позвать на помощь именно из-за них.

Восемь гвоздей были вбиты строго в соответствии с законами Багуа и теории Пяти стихий, создавая непреодолимый барьер. Они удерживали не только мёртвую плоть, но и мятежные души жертв, не позволяя им восстать или уйти в мир иной для перерождения. Пленённые духи увядали прямо в истлевших телах, а с ростом числа жертв эта земля постепенно превращалась в смертоносный источник тёмной энергии. Одно лишь зловещее название заставило Сян Цин задрожать от ужаса.

Вскоре вдалеке послышался вой сирен. На стоянке у пагоды припарковался мощный внедорожник. Находиться здесь становилось физически невыносимо, и Сян Цин, сославшись на то, что встретит оперативников, поспешила убраться подальше от зловещего пустыря. Впрочем, провожатые прибывшим не требовались. Лишившись сдерживающего контура из гвоздей, тёмная энергия хлынула наружу, сокрушительным столбом устремившись к небесам. Любой мало-мальски обученный практик сразу уловил бы этот всплеск за несколько вёрст.

Чу Вэй заворожённо смотрел на гвозди, а перед его глазами проносились искажённые болью лица замученных девушек. Хуа Жун мягко положил ладонь ему на макушку:

— Тьма всегда была частью этого мира, — тихо произнёс он. — И с этим ничего не поделать.

Наставник видел, как тяжело юноша переживает эту трагедию. Десятки невинных жизней оборвались в неизвестности, и если бы не случай с Сян Цин, их тела сгнили бы здесь, а несчастные души навеки остались бы узниками этого проклятого места, лишёнными шанса на перерождение. В чём же была их вина? Взгляд Чу Вэя на миг подёрнулся пеленой сомнения.

— Я читал его мысли во время ритуала... — прошептал Чу Вэй. — В нём не было ни страха, ни капли раскаяния. Для него эти девочки были не людьми, а лишь ходячими сосудами с кровью. Он получал удовольствие, глядя, как они медленно угасают. Как можно быть настолько чудовищем?

Сам Чу Вэй вырос без родительской ласки, но сохранил в сердце доброту к окружающим. Ему было не понять, какая бездна должна разверзнуться в душе человека, чтобы он полностью утратил человеческий облик.

— Обладание плотью и кровью ещё не делает существо человеком, — отозвался Хуа Жун с глубокой печалью. Ему было больно ранить юное сердце, но он понимал: мальчику пора узнать изнанку этого мира. Пусть он ещё молод, но его дух уже достаточно зрел, чтобы выдержать эту ношу.

Чу Вэй прикрыл глаза, безмолвно давая понять, что справится.

— Как вы умудрились выйти на это место?

— Откуда здесь столько скверны? Госпожа Сян, держитесь лучше позади.

— Цзи Хана сейчас как раз допрашивают, но этот гадёныш оказался крепким орешком, молчит как партизан.

Голоса приближались. Чу Вэй стряхнул наваждение и обернулся. К ним быстрым шагом направлялись четверо мужчин.

Возглавлял группу высокий, статный мужчина с безупречно уложенными назад волосами, обильно сдобренными бриолином. На нём был элегантный деловой костюм, поверх которого небрежно накинуто классическое чёрное пальто. При каждом шаге полы пальто эффектно развевались на ветру, придавая его фигуре налёт особого драматизма. Больше всего Чу Вэй удивило то, что, несмотря на пасмурную, хмурую погоду, незнакомец щеголял в массивных солнцезащитных очках. Едва он подошёл ближе, как до обоняния юноши донёсся шлейф изысканного дорогого парфюма. Весь его облик буквально кричал о самолюбовании и вызывающем пижонстве.

Мужчина неторопливо снял очки, явив миру дежурную, донельзя любезную улыбку:

— Приветствую. Я директор Бюро особых расследований, Доу Шунь.

С этими словами он протянул холёную ладонь Хуа Жуну. Тот одарил руку холодным взглядом и удостоил гостя лишь мимолётным, формальным рукопожатием.

Доу Шунь даже не взглянул на стоящего рядом подростка, переведя всё внимание на клубящийся тьмой пустырь.

— Вчера мне пришлось срочно уехать по делам, так что я не смог лично побеседовать с господином Хуа. Однако подчинённые уже ввели меня в курс дела. Случай с госпожой Сян действительно из ряда вон выходящий.

Он обернулся к сопровождавшим его сотрудникам и небрежно махнул рукой:

— Копайте.

Оперативники явно были тёртыми калачами. Повинуясь приказу начальства, они слаженно натянули плотные рабочие перчатки и расчехлили лопаты.

Доу Шунь вновь обернулся к Хуа Жуну, придав голосу вкрадчивую мягкость:

— Дальнейшее расследование — прямая обязанность нашего ведомства. Вам, господин Хуа, с вашим высоким положением, здесь находиться не пристало. Лучше поезжайте домой, пока не

подхватили какую-нибудь заразу. Чуть позже я лично навещу вас, чтобы прояснить некоторые детали дела. Надеюсь, это не доставит вам неудобств?

Чу Вэю ещё никогда не доводилось встречать столь напыщенных павлинов. В голове сама собой всплыла единственная подходящая характеристика: «Дешёвый позёр».

Наблюдая за споро работающими подчинёнными, Доу Шунь покровительственно добавил:

— На будущее, господин Хуа: при столкновении с подобной чертовщиной сразу вызывайте специалистов. У вас, конечно, могут быть свои скрытые таланты, но в нашем деле никогда не знаешь, насколько опасная тварь тебе попадётся. Берегите себя.

Хуа Жун всем своим видом демонстрировал крайнюю степень брезгливости и нежелание продолжать этот пустой разговор. Чу Вэй же не собирался уходить: ему ещё предстояло избавить Сян Цин от проклятия, а для этого нужно было дожидаться окончания раскопок. Раз уж полиция взяла на себя грязную работу, он решил подробнее изучить найденные артефакты. Опустившись на корточки, юноша достал из рюкзака влажную салфетку и принялся бережно оттирать налипшую грязь с узоров на железном штыре.

Металл пролежал в сырой земле слишком долго: забившие пазы глина и чернозём мешали рассмотреть руны. Не успел Чу Вэй сделать и пары движений, как над ним выросла тёмная фигура, загородив скудный свет.

— Это что... гвозди для подавления трупов? — удивлённо протянул Доу Шунь.

Всё же пост начальника Столичного бюро особых расследований он занимал не за красивые глаза и кое-что смыслил в артефактах. Заметив, что подросток трогает штырь голыми руками, он нахмурился:

— На этих штука висит вековое проклятие. Хвататься за них без защиты — верный способ отправиться на тот свет. Жить надоело?

Чу Вэй лишь молча покачал головой. «Вообще-то я их сам из земли и вытащил», — мысленно усмехнулся он.

Тем временем Доу Шунь извлёк из кармана пару серебристых перчаток. Странный материал отливал мягким перламутровым блеском, выдавая их благородное духовное происхождение. Но едва директор потянулся к металлическому штырю, как Чу Вэй перехватил его руку.

Доу Шунь удивлённо вскинул брови и наконец-то по-настоящему взгляделся в лицо мальчишки. Ранее он не удостоил его вниманием, но теперь в его глазах промелькнуло невольное восхищение. Юноша обладал на редкость утончённой, почти неземной красотой. Однако сейчас важнее было другое — его поразительная реакция и смелость, с которой он

заблокировал чужой жест.

Сузив глаза, Доу Шунь сухо процедил:

— Послушай, парень, это не игрушки. Тебе здесь не место.

Чу Вэй взглянул на него в упор, без малейшей робости, и с полным спокойствием ответил:

— Эти гвозди выкопал я.

Доу Шунь опешил. Он перевёл ошеломлённый взгляд с мальчишки на безучастно стоящего в стороне Хуа Жуна. Директор был уверен, что всю работу проделал могущественный глава корпорации, а подросток — лишь случайный сопровождающий. Реальность оказалась куда интереснее.

Доу Шунь умел ценить истинный талант. С его лица мгновенно слетела спесь, уступив место искреннему любопытству:

— Надо же, не ожидал. И как ощущения после извлечения? Никакой слабости?

Эти гвозди веками впитывали злобу и страдания замученных жертв. Обычный человек, едва коснувшись осквернённого железа, мгновенно слёг бы с лихорадкой или лишился рассудка, не говоря уже о трупном яде, способном разесть плоть до костей. С такими вещами шутки были плохи.

Чу Вэй молча качнул головой и, мягко высвободив руку, продолжил очищать артефакт. Из-под слоя грязи постепенно проступали сложные, изящные завитки древних рун.

В этот момент со стороны раскопок раздался зычный крик оперативника:

— Шеф, есть первое тело!

Доу Шунь быстро окинул взглядом Чу Вэя, затем Хуа Жуна и, более не настаивая на их уходе, быстрым шагом направился к яме. Раскопки принесли первый страшный улов.

Чу Вэй отложил гвоздь и поднялся, намереваясь последовать за ним, но тяжёлая ладонь Хуа Жуна опустилась ему на плечо. Юноша недоумённо обернулся.

— Пусть профессионалы делают свою работу, — бесстрастно произнёс наставник. — Ты ещё не оправился после вчерашнего Поиска Души. Тебе не стоит смотреть на трупы.

Созерцание растерзанных тел могло спровоцировать новый приступ чужих кошмаров в неокрепшем разуме. Чу Вэй спорить не стал, послушно отступив назад, и вновь сосредоточился на разглядывании гвоздей. Ему хотелось расшифровать плетение рун: вдруг эти железные штыри выполняли ещё какую-то тёмную функцию, помимо сдерживания душ?

Сян Цин, на которой мёртвой хваткой висело Проклятие влюблённых, тоже не спешила уходить, несмотря на предупреждения Доу Шуня. Она тихо жалась к спинам своих защитников, боясь сделать даже шаг в сторону. Пустырь занимал довольно приличную площадь, однако из-за маскирующего эффекта гвоздей для подавления трупов на протяжении долгих лет никто не замечал творящегося здесь кошмара.

Стоило Доу Шуню заглянуть в разрытую могилу, как его лицо сделалось мрачнее тучи.

— Продолжайте копать, — глухо приказал он.

Двое оперативников бережно перенесли останки на траву и вновь взялись за лопаты.

Работа затянулась почти на два часа. По мере того как на поверхности оказывалось всё больше страшных находок, лицо Доу Шуня постепенно приобретало землистый оттенок. В общей сложности из проклятой земли извлекли шестнадцать тел. Шестнадцать безвинно загубленных душ, и все они при жизни были совсем юными девушками, едва перешагнувшими порог совершеннолетия.

Самые старые останки давно превратились в искусанные червями скелеты, лишившиеся каких-либо черт лица — лишь истлевшие обрывки яркой некогда одежды говорили о том, что погибшая любила наряжаться. На телах поновее уже проступили трупные пятна, а бледная кожа начала трескаться и слезать. Их распухшие, обескровленные лица хранили следы былой девичьей красоты. На запястье каждой жертвы зияла глубокая, до самой кости, рваная рана. Несчастных замучили до смерти, выкачав из них всю кровь до последней капли.

Разложенные в ряд тела источали ядовитые миазмы и такую концентрированную злобу, что воздух над ними казался осязаемо тяжёлым. Однако сами замученные души давно лишились разума, превратившись в безмолвные сгустки ненависти, неспособные поведать о пережитых пытках. Глядя на этот кошмар, Доу Шунь с силой сжал кулаки.

Сян Цин несмело выглянула из-за спины Хуа Жуна:

— Что же нам теперь делать? На улице совсем стемнело...

Перспектива остаться здесь глубокой ночью пугала её до дрожи. Она была уверена, что умрёт от разрыва сердца прямо на этом пустыре, не дождавшись никакой помощи.

Чу Вэй терпеливо разъяснил:

— Теперь, когда тела найдены, необходимо провести ритуал упокоения. Только после того как их души обретут мир, рассеется окутывающая тебя тёмная энергия. А снять само Проклятие влюблённых будет несложно — понадобится лишь кровь Цзи Хана.

Сян Цин тоскливо вздохнула. Сумерки сгущались, и страх сковывал её движения всё сильнее. Доу Шунь тем временем раздражённо выговаривал кому-то по телефону, безуспешно пытаясь организовать вывоз останков. Его яростный ор эхом разносился по пустырю, так что Чу Вэй без труда разбирал каждое слово:

— Отставить все ваши срочные дела! Какой кретин отвечал за патрулирование района Небесной башни?! Такое чудовищное преступление под самым носом проморгали! Да мне плевать на инструкции! Пусть сам лично сюда едет и смотрит на это! Изъять все записи с уличных камер вокруг башни за последние полгода! Проверить каждую секунду!

«Пожалуй, кроме напускного пафоса, этот Доу Шунь действительно знает своё дело», — отметил про себя Чу Вэй. Тот мгновенно почувствовал неладное при приближении к пустырю, да и оперативными действиями руководил весьма уверенно.

Спрятав телефон, взвинченный директор Бюро заметил стоявшую поодаль троицу и недовольно направился к ним:

— А вы почему до сих пор ошиваетесь здесь?

Хуа Жун проигнорировал вопрос, одарив его ледяным взглядом. Доу Шунь, хоть и хорохорился, переходить черту и ссориться со столь влиятельным человеком не решался.

— Вообще-то, это место нашли мы, — напомнил Чу Вэй.

Доу Шунь лишь недовольно засопел, не найдя подходящего ответа.

Хотя Бюро особых расследований и обладало широчайшими полномочиями в делах с чертовщиной, в мире скрытых практиков законы светской власти значили мало.

Чу Вэй тоже чувствовал себя паршиво.

— Сян Цин до сих пор страдает от проклятия. Разве сейчас не важнее всего провести обряд упокоения для этих бедняжек?

Доу Шунь грязно выругался и сквозь зубы процедил:

— Наш буддийский мастер, способный провести такой масштабный обряд, сейчас в командировке за пределами Столицы.

Так что оставалось лишь транспортировать останки в лабораторию Бюро. Но где разместить шестнадцать сочащихся тёмной энергией трупов, оставалось нерешённым вопросом. Чу Вэй уже открыл рот, желая предложить свои услуги, как вдруг над пустырем разнёсся истошный, леденящий душу вопль одного из оперативников:

— А-а-а-а! Командир! Они встают! Трупы встают!

Панический крик разорвал сгущающуюся тишину.

Чу Вэй резко вскинул голову и нахмурился:

— Чёрт, стемнело!

Огромная концентрация ненависти, долгие годы сдерживаемая гвоздями, хлынула на свободу. Едва лишившись оков, мёртвая плоть соприкоснулась с живой энергией стоявших рядом людей. С заходом солнца, когда последние лучи уступили место ночному мраку, лишённые покоя мертвецы начали пробуждаться. В темноте, свободной от очищающего солнечного света, вся накопленная злоба вырвалась наружу, возвращая жизнь окоченевшим телам.

Первым зашевелился самый старый скелет. Останки резко, беззвучно приняли вертикальное положение и бросились на застывшего в оцепенении молодого оперативника. К счастью, тот успел среагировать и увернулся в последний момент — костлявые пальцы лишь с треском вырвали клоч ткани из его куртки. Следом за скелетом начали подниматься и остальные мертвецы.

Поднявшиеся мертвецы были лишены даже зачатков человеческого разума. Одержимые жаждой убийства, они без разбору нападали на любое живое существо. Огромная физическая сила делала их невосприимчивыми к обычному оружию, а длинные, почерневшие от яда когти при одном касании могли нанести смертельные раны. Ночная мгла окончательно укутала пустырь, и по мере того как все шестнадцать покойников принимали вертикальное положение, тьма вокруг сгущалась до осязаемой плотности.

Против шестнадцати свирепых тварей стояли всего семеро человек, включая беззащитную Сян Цин. Поднявшийся мертвец — это не бесплотный призрак. Физическая мощь ожившего трупа во много раз превосходит силу обычного привидения, и совладать с ней крайне тяжело. Но самым сложным было удержать беснующуюся нежить в пределах пустыря, не позволив ей прорваться к жилым кварталам.

Доу Шунь побелел от злости и яростно сплюнул:

— Я же велел вам убираться! Теперь довольны, балласт несчастный?! Если вас тут сожрут, пеняйте на себя!

Чу Вэй даже не удостоил его ответом. Одним слитным движением он выхватил половину гвоздей для подавления трупов и швырнул их Хуа Жуну. Наставнику не требовалось объяснений — он мгновенно считал замысел ученика. Пока оперативники в панике пытались сообразить, что делать, Чу Вэй резким толчком вытолкнул Сян Цин за пределы опасной зоны, после чего они с Хуа Жуном бросились в разные стороны, намереваясь восстановить сдерживающий контур.

Времени на полноценное закапывание не оставалось: нужно было лишь вбить тяжелые штыри наполовину, чтобы активировать барьер и запереть беснующихся тварей на пустыре. Сян Цин застыла в стороне, не понимая, что испытывает сильнее — дикий ужас или полное оцепенение. В её душе шевельнулась странная мысль: «Ну конечно, как же иначе».

Восстановление контура требовало колоссального расхода духовной энергии. Очерченный гвоздями периметр был слишком широк, и даже при запредельной скорости обоих практиков ожившие трупы двигались быстрее, стремясь вырваться на свободу. Доу Шунь со своими бойцами приняли удар на себя.

— Берегитесь когтей! В их жилах трупный яд, одна царапина — и вы трупы! — громогласно скомандовал директор, уворачиваясь от очередного выпада.

Кромешная тьма поглотила пустырь. Оперативники лихорадочно включили фонарики на телефонах, пытаясь хоть немного разогнать мрак. Но стоило лучам света прорезать темноту, как прямо перед их лицами возникли оскаленные мертвецы. Смрад разлагающейся плоти и удушающая вонь ударили в нос, лишая возможности дышать.

Бойцы Бюро, судя по всему, тоже владели основами духовных практик: они принялись веером метать талисманы, которые с сухим треском и искрами взрывались на телах нежити. Пронзительный, потусторонний вой оживших мертвецов разрывал ночной воздух, заставляя кровь стыть в жилах.

Чу Вэй успел вбить два гвоздя, и между ними мгновенно соткалась невидимая стена, отбросившая пытавшихся прорваться мертвецов назад. Однако незащищённые бреши в периметре по-прежнему зияли пустотой. Людей катастрофически не хватало, чтобы перекрыть все выходы одновременно.

Доу Шунь, ориентируясь при слабом свете экрана, ловким финтом уклонился от костлявых пальцев и мощным пинком отшвырнул наседавшего мертвеца. Зачув живое тепло, нежить с удвоенной яростью ломанулась на нарушителей. Из-за численного превосходства врага оперативники начали сдавать позиции. Мельком оглядевшись, Доу Шунь с ужасом заметил, что трое ходячих мертвецов, ведомые первобытным голодом, устремились прямо к замершей у края пустыря Сян Цин.

Грязно выругавшись, Доу Шунь выхватил из-за пояса особый пистолет, заряженный специальными пулями против нечисти. Резко развернувшись, отчего полы его чёрного пальто взметнулись подобно крыльям летучей мыши, он прицелился и спустил курок. Освящённый

снаряд угодил точно в грудь нападавшему мертвецу. Тот покачнулся, издал глухой хрип, но устоял на ногах и продолжил движение. Сила сдерживаемой в теле злобы превосходила все мыслимые пределы.

Чу Вэй к этому моменту вбил уже третий гвоздь. Оставался последний штрих, чтобы замкнуть ловушку. Он не сомневался, что Хуа Жун на своей половине периметра продвигается ещё быстрее.

Поняв, что оружие неэффективно, Доу Шунь в сердцах убрал пистолет и на пределе возможностей рванул наперерез тварям, отчаянно крича женщине:

— Что застыла?! Беги, дура!

Но было поздно. Запах гнили уже коснулся её лица. Каждая клеточка тела Сян Цин вопила о смертельной опасности. Разум твердил: «Беги!», но в непроглядной тьме она совершенно потеряла ориентацию. Дрожащими руками женщина нащупала в кармане телефон и лихорадочно включила фонарик. Световой луч выхватил из темноты кошмарный лик: полуразложившийся череп с остатками серой плоти стремительно приближался к ней. В этот миг время словно замедлило свой ход. Зрачки Сян Цин расширились от ужаса, когда она увидела занесённые над собой острые, чёрные когти, готовые выколоть ей глаза. Ноги сделались ватными, лишив возможности сделать хотя бы шаг.

В её ушах зазвучал похоронный звон. «Конец. Мне крышка», — мелькнуло в угасающем сознании, и она зажмурилась, приготовившись к неизбежному. Однако вместо разрывающей плоть боли Сян Цин почувствовала, как зловонное дыхание мертвеца внезапно отдалилось. Открыв глаза, она при свете экрана увидела, как атаковавший её труп кубарем отлетел на несколько метров назад.

Перед ней возник мерцающий полупрозрачный щит. Этот барьер не препятствовал людям, но для ходячих трупов служил непреодолимой преградой. Из темноты раздался звонкий голос Чу Вэя:

— Быстро выходите за черту!

Доу Шунь почувствовал, как активировалось древнее заклинание, и поспешил отдать приказ об отступлении. Оперативники кубарем вылетели за пределы восстанавливаемого защитного контура. Лучи фонариков выхватывали жуткую картину: запертые внутри периметра покойники, лишившись возможности чувствовать живое тепло, растерянно метались из стороны в сторону, словно слепые котята. Посреди глухой ночи это зрелище способно было свести с ума любого обывателя.

Сян Цин хватило пары секунд созерцания этого кошмара, чтобы её желудок спазматически сжался. Женщина отвернулась и разразилась безудержной рвотой. От бывшего лоска Доу Шуня не осталось и следа: безупречная причёска растрепалась, напоминая воронье гнездо, дорогие солнцезащитные очки затерялись в потасовке, а полы стильного пальто покрывали глубокие

прорехи от когтей нежити. За всю свою многолетнюю практику в Бюро он впервые столкнулся с таким количеством разбуженных трупов одновременно.

Лицо директора окаменело. Теперь он не смел упрекать добровольных помощников в бесполезности: не успей они замкнуть барьер, когти нежити разодрали бы не только его одежду, но и саму плоть.

— Командир, что теперь делать? — дрожащим от страха голосом спросил один из бойцов.

— Ждать у моря погоды! — огрызнулся Доу Шунь. — Живо вызывай подкрепление! Стянуть сюда всех свободных оперативников, пусть даже из постелей вытаскивают!

В этот момент Хуа Жун, хранивший доселе ледяное молчание, негромко заговорил. Он обращался исключительно к своему ученику:

— Ты ведь помнишь, о чём мы говорили вчера дома?

Чу Вэй на мгновение задумался, и его глаза удивленно расширились. Ну конечно! «Для уничтожения зла не всегда нужны талисманы. Если в твоей руке меч, а в мече — живой дух, тебе подвластно сокрушить любую нечисть». Этот закон безупречно работал и против ходячих трупов.

Юноша сделал глубокий вдох и с лёгким сомнением спросил:

— У меня получится?

Хуа Жун неуловимым движением извлёк откуда-то изящный деревянный меч и вложил его в ладонь ученика. Его голос прозвучал твёрдо и непреклонно:

— Ты сможешь.

Доу Шунь, не понимая сути их таинственного диалога, раздражённо вмешался:

— О чём вы там шепчетесь? Может, предложите что-то дельное вместо пустой болтовни?

Чу Вэй проигнорировал его выпад. Он крепче сжал рукоять деревянного клинка и... легко, словно пушинка, взмыл высоко в ночное небо.

В тусклых лучах телефонных экранов застывшие от изумления люди во все глаза созерцали парящего в вышине юношу. В этот миг в головах у всех присутствующих пронеслась одна и та же ошеломляющая мысль:

«Мать твою, да он действительно летает!!!»

<http://bllate.org/book/19040/1960898>